

Таврическая академия,
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Республика Крым

ДЕТИ «НА СТОРОНЕ»: КОРМИЛЬЧЕСКИЙ ПРОМЫСЕЛ НА ТЕРРИТОРИИ ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX—НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Статья посвящена исследованию кормильческого промысла на территории Таврической губернии в конце XIX—начале XX веков. Цель работы — реконструировать процесс формирования института кормилиц для оказавшихся без родителей младенцев в Таврической губернии. В задачи публикации входит анализ основных трудностей в организации «питомнического промысла». Особое внимание уделено детской смертности, которая была детерминирована недостаточным питанием, слабостью и болезненностью детей, а также отношением к детям со стороны кормилиц. В заключение автор обращает внимание на противоречие, содержащееся в сущности кормильческого промысла. С одной стороны, он был направлен на сохранение жизней младенцев, оставшихся без матерей. С другой стороны, для женщин, занимавшихся этим делом, оно являлось средством заработка, и они не могли дать своим питомцам материнской любви и заботы. Долголетний опыт Таврического земства продемонстрировал, что патронаж имеет множество отрицательных сторон и не может заменить ребенку мать.

Ключевые слова: Таврическая губерния, женщины, кормилицы, кормильческий промысел, питомнический промысел, подкидыши, приют, детская смертность.

Введение. Социально-экономические условия на территории Российской империи второй половины XIX века, детерминировавшие образование огромной прослойки промышленного и сельского пролетариата, породило множество проблем. К таким относились: невозможность обзавестись семьей в силу отсутствия стабильной материальной базы; внебрачное сожитие; уклонение от прямых родительских обязанностей. Разложение крестьянства повлекло за собой массовый уход в города, что, в свою очередь, отобразилось на росте внебрачных рождений. Учащались случаи, когда родители под давлением материального гнета были вынуждены оставить ребенка на произвол судьбы. По статистике число призреваемых детей росло с каждым годом. Система Таврического приюта была такова, что заботу о детях до определённого возраста возлагали на плечи кормилицы. Институт кормилиц был весьма востребован в различных губерниях Российской империи, т.к. проблема отказа от детей была распространена повсеместно.

Единого исследования, которое бы рассматривало кормилиц как отдельную социальную группу либо как особый вид промысла, на данный момент не существует. Цель работы — реконструировать процесс формирования института кормилиц для оказавшихся без родителей младенцев на территории Таврической губернии в конце XIX—начале XX веков

Об особенностях призрения детей в воспитательных домах и роли кормилиц писали Н. В. Яблочкин [1], М. А. Ошанин [2]. Также о данном промысле, как о «жестокое и ненужное обычае», писал С. Ф. Воюцкий [3]. Из современных авторов можно выделить Ю. Н. Красникову [4], однако она описывала исключительно кормилиц императорского дома, не упомянув, какую важную роль этот институт играл в обществе в целом.

Большая часть исследований, которые затрагивали кормильческий промысел, освещали тему заражения сифилисом от кормилицы — ребенку, и наоборот. Можно привести множество примеров. Реальная энциклопедия практической медицины А. Эйленбурга [5] описывала кормилиц как разносчиков сифилиса; А. Фурнье со своим исследованием «Кормилицы и сифилис» сыграл роль в восприятии обществом сифилиса и кормилиц как неотделимых сущностей [6]; в трудах Съезда Общества русских врачей [7, 8] весьма часто поднималась тема заражения, даже был описан интересный случай заражения кормилиц, причём выяснилось, что заразил всех один и тот же ребенок, которого, во время краткого отсутствия его кормилицы, накормили две другие [7, с. 341]. Также о проблеме сифилиса среди кормилиц писали К. И. Грумм-Гржимайло [9], Н. О Массе [10], Г. М. Герценштейн [11].

Результаты. Общеизвестно, что к кормилицам, прежде всего, обращались знатные люди, однако

на территории Таврической губернии большая часть кормилиц работала в приюте, причем с каждым годом система обслуживания приюта разрасталась, превратив данное дело в настоящий промысел внушительных масштабов.

С упразднением приказа общественного призрения в 1865 году Таврическое губернское земство не получило специального детского приюта. Юридически он числился на бумаге, однако фактически лишь несколько подростков проживали в богадельне при богоугодных заведениях, и несколько десятков младенцев находились на попечении у кормилиц. На земских собраниях неоднократно поднимали вопрос о найме либо постройке дома, приспособленного для детского приюта. В те времена в Симферополе функционировал частный приют для подкидышей, который содержался местным благотворительным обществом во главе с С. А. Арендт.

Узнав о намерении земства устроить свой специальный приют, благотворительное общество обратилось с просьбой к Таврическому губернскому ведомству взять под свое покровительство и соединить в одно целое призрение покинутых и бесприютных детей. Земство дало свое согласие, взяв все расходы приюта на себя, оставив за управой право контроля, и назначило попечительницей С. А. Арендт. В приют принимались не только подкидыши, но и дети бедных и больных матерей, в редких случаях с матерей взималась небольшая плата. В докладной записке управы губернскому земскому собранию 31-й очередной сессии описывается положение питомцев до 1873 года: «Во время попечительства г. Арендт дети в свободное от учения время занимались под руководством мастеров ремеслами: башмачным, сапожным, столярным». Случаи обучения питомцев приюта в ремесленных и профессиональных школах были нередки. С выходом из попечительства г-жи Арендт сироты утратили внимательного и влиятельного попечителя. Эта женщина предстала перед собранием и отстаивала интересы сирот. С течением времени их положение ухудшилось, однако это было обусловлено несколькими факторами: быстрым ростом призряемых, усложнением системы надзора, развитием «питомнического промысла».

В 1877 г. была закончена постройка земского приюта, рассчитанного на 50 детей разных возрастов. С этого времени приют перешел в полное ведение губернского земства. В первые годы все дети, подбрасываемые к зданию приюта, принимались в нем. Для детей младенческого возраста практиковалось исключительно вскармливание кормилицами, и на тот момент одной кормилице не давалось более двух детей. Но с течением времени, из-за быстрого роста поступающих подкидышей от этих норм отступили, и нередкими стали случаи, когда на кормилицу приходилось трое детей. Так, к 1884 году на 69 детей было 30 кормилиц.

Оценив тяжелое положение грудных подкидышей, земское собрание приняло ряд мер: 1) установило лимит кормилиц в 30 лиц; 2) запретило выдавать на одну кормилицу более двух детей; 3) остальных детей отдавали на вскармливание в деревни за определенную плату. Последнюю меру мотивировали тем, что данное мероприятие побудит матерей оставлять детей при себе, ведь неизвестно, в каких условиях будет проживать их ребенок.

Анализируя статистические данные, можно говорить о том, что меры, принятые земством

и направленные на увеличение числа кормилиц, не достигли своих целей по снижению смертности в приюте. Для ответа на вопрос о недочетах деятельности приюта подкидышей в Таврической губернии, стоит осветить две основных проблемы: какое влияние на повышенную смертность имеет факт лишения ребенка материнского молока и материнской заботы; какие дефекты крылись в кормильческом промысле, который поддерживался земством на территории Таврической губернии.

Прежде всего, необходимо остановиться на возрасте поступающих и возрасте умерших детей. Данные свидетельствуют о том, что 50 % детей поступали в возрасте до 1-й недели, в возрасте до 2-х недель поступало 16 %, от 2-х до 1-го месяца — 11,3 %. Также можно говорить о том, что наибольший процент смертности приходился на детей возрастом от 1-го дня до 3-х месяцев и затем постепенно уменьшался. Разделяя умерших на три группы: от 1-го дня до 3-х месяцев; от 3-х месяцев до 1 года; от года и старше, процент смертности будет разделяться таким образом: 59,8 %; 31,1 %; 9,9 % соответственно.

В самом приюте содержались исключительно больные дети, также заболевших детей приносили из патронажа, тем самым формировался контингент менее жизнеспособных детей. Можно сказать, что смертность в раннем возрасте — основная проблема всех приютов Российской империи. Причина крылась не только лишь во внешней среде, но и, как считали некоторые врачи, в самих детях. Внебрачные дети, в большинстве своем, являлись нежеланными. В основном их матери в период беременности находились в состоянии нравственного угнетения. Стоило обратить внимание на то, что в большинстве случаев матери таких детей принадлежали к рабочему классу, это служащие в мастерских, прислуга, фабричные работницы, одни словом, материально необеспеченные девушки. Они работали до самых родов, и подчас — очень тяжело. Все это отображалось на здоровье детей, поэтому среди подкидышей регистрировалось большое количество врожденно-слабых детей. Многими исследователями подтверждается и более высокая смертность среди внебрачных детей. Например, С. А. Селюгин свидетельствовал о том, что из детей, рожденных в законной связи, смертность держалась на уровне 163,8 %, а рожденных в незаконной достигала 295,8 %. И даже если при наличии материнского кормления их смертность была повышена практически вдвое, то естественным образом смертность повышалась у детей, лишенных материнской груди, выброшенных на улицу.

К началу XX вв. можно было говорить о том, что процент смертности на стороне был меньше, чем в приюте, однако вскармливание в патронаже не оправдало определенных надежд. Из грудных детей на стороне умирало 49,6%. Главные причины смертности на стороне были те же, что и в приюте, — отсутствие материнского ухода и неправильное питание. Несмотря на то, что в селениях, где проживало много призряемых детей жила фельдшерница-надзирательница, на которой лежала ответственность по наблюдению за правильным кормлением, дисциплины в этом деле добиться было сложно. Если и в самом приюте существовали сложности с добросовестностью кормилиц, то в крестьянских семьях дело с этим обстояло куда хуже. Поэтому, если говорить о проценте младенческой смертности среди частных кормилиц, данные

также весьма удручающие. Согласно исследованиям С. Ф. Воютского: — «из моих 88 кормилиц дети умерли у 72» [3, с. 5].

Естественно, и в самой организации кормильческого промысла было множество проблем. Например, пункт о лимите детей на кормилицу не соблюдался. Иногда количество детей, приходившихся на кормилицу, достигало четырех, как, например, летом 1911 г., и это без учета того, что кормилица имела своего ребенка, которого она, подаваясь материнскому чувству, выкармливала в первую очередь. Таким образом, кормление такого количества питомцев являлось по большей мере фикцией. Введение искусственного кормления пастеризованным коровьим молоком также дало отрицательные результаты. Основной контингент питомцев Симферопольского приюта на рубеже XIX—XX вв. — это дети от 1-го дня до 3-х недель, когда искусственное вскармливание менее пригодно, т. к. желудок маленького ребенка не приспособлен справляться с пищей более грубой, чем женское молоко. Этим и объяснялось массовое заболевание детей раннего возраста желудочно-кишечными катарам, от которых погибало 40,6 % детей. Подобные катары если и не вызывали летальный исход, то становились причиной истощения, с которым зачастую невозможно было бороться, даже поставив ребенка в нормальные условия питания.

Стоит указать на то, что переполненность помещений являлась еще одной веской причиной высокой смертности детей. Вследствие тесноты грудного отделения около спального места кормилицы ставили две детские кровати, в которых помещались трое земских детей и ребенок кормилицы. Причем в большинстве случаев ребенок кормилицы помещался в одну кровать, а все земские — в другую. Отсутствие больницы для грудничков также вело к тому, что больных и здоровых детей держали вместе, что приводило к распространению болезней. И. И. Годыцкий сетовал на то, что из-за отсутствия изолированного помещения для больных детей они становились источником инфекционного заболевания. Однако Я. Т. Харченко утверждал, что больные дети из приюта помещались в губернскую земскую больницу, кроме этого, в самом приюте имелась изоляционная комната [8, с. 38].

Система патронажа, зародившаяся в Таврическом приюте в 1884 г., ежегодно разрасталась. К слову, за первый год «на сторону» было отдано 8 детей, а к 1903 г. система достигла максимума — 474 ребенка. Однако со временем количество отдаваемых детей уменьшалось. Это было вызвано несколькими факторами. Во-первых, «более богатые» материковые уезды не брали детей на вскармливание; таким образом, кормильческий промысел развился главным образом в Симферополе. За долгие годы наиболее нуждающиеся крестьянские семьи уже обзавелись питомцами, что делало невозможным взять новых детей. Во-вторых, земство понизило ставку за вскармливание и содержание детей. Изначально за грудного ребенка земство выплачивало по 7 руб., за подростка 6 руб. в месяц, при этом выдавалось белье, обувь, летняя и зимняя одежда. С течением времени, ввиду постепенного роста отдаваемых детей «на сторону», плата была разделена на два приема и понижена для грудных до 5 руб., подростков до 4 руб., а на школьников также выдавалось 5 рублей. Параллельно понижались и требования, выдвигаемые к кормилицам. В первые годы питомцы отдавались на сторону

при обязательном условии, что кормилица имела собственного ребенка в возрасте не более 9 мес., которого она при получении земского ребенка обязывалась отлучить от груди. Однако позже данное условие стало необязательным, и зачастую земский питомец попадал на грудь вторым.

Патронаж земского приюта был распространен, прежде всего, в южных уездах Таврической губернии и наиболее населенной частью являлся Симферопольский уезд, и в частности, г. Симферополь. Он был разделен на 5 участков, из которых 4 расположены по деревням и один городской. Медико-санитарный надзор за детьми в каждом участке был поручен пяти фельдшерицам-надзирательницам, которые объезжали свой участок ежемесячно. В пригородном Бакчи-Эльском участке числилось 54 деревни с 313 дворами, с 481 земским питомцем. Саболовский участок насчитывал 42 деревни, 339 дворов и 515 земских питомцев. Зуйский участок — 43 деревни, 202 двора и 453 ребенка из приюта. В Бахчисарайском участке 37 деревень, 207 дворов и 303 земских питомца и, наконец, в г. Симферополе насчитывали 7 слобод, 166 дворов с 230 земскими питомцами. По возрасту призываемые были распределены следующим образом: грудных — 329, подростков — 918, школьников — 593, кроме того, 33 питомца старшего возраста, обучающихся ремеслам.

По имущественному положению семьи деревенских кормилиц разделялись на: собственников — 785, арендаторов, занимающихся хлебопашеством — 161 семья и чернорабочих — 429 семей. Что касается города, то в нем проживало 59 семей, занимающихся черной работой, остальные же семьи мелких ремесленников, извозчиков и прочих.

Крестьянки, которые брали земских питомцев, смотрели на них, как на источник дополнительного заработка. В конце концов из этого «вырос» промысел, из которого старались извлечь как можно больше денег при минимальной затрате труда и вложений.

По окончании школьного обучения ребенка денежные обязательства между земством и кормилицами прекращались. Земская управа направляла свои силы на то, чтобы земские питомцы, по возможности, оставались в крестьянских семьях, вырастивших их. Но так как наибольшее число питомцев вскармливало в Симферопольском уезде, где проживали в основном малосостоятельные крестьяне, имевшие небольшие наделы, детей оставляли редко. Особенно неохотно крестьянское общество давало согласие на усыновление мальчика, требующего от общества земельного надела.

Заключение. Большая часть исследований, затрагивавших тему кормильческого промысла, освещала негативные стороны данного ремесла, а именно сифилизацию населения посредством распространения сифилиса через кормилиц. Несмотря на данное обстоятельство, важно указать на тот факт, что кормильческий промысел был весьма распространен в Таврической губернии и занимал определенную нишу среди заработка крестьянских семей.

На территории Таврической губернии кормильческий промысел был поставлен на поток Таврическим земством, которое ввело систему патронажа в Таврическом приюте г. Симферополя. Здоровых детей отдавали кормилицам за определенную плату, питомец находился в доме кормилицы до окончания школьного обучения. Больные дети оставались

в приюте, более 80% детей погибало вследствие плохого ухода, недостаточного питания и физической слабости.

Проблемы в организации питомнического промысла мотивировали земство ввести ряд мер, которые, по мнению земства, должны были снизить смертность среди питомцев как в самом приюте, так и среди детей, находящихся «на стороне». Большая часть мер не достигла целей. Смертность детей, оставшихся в приюте, была высокой ввиду болезненного состояния питомцев. Среди детей «на стороне» погибала практически половина подкидышей младенческого возраста. Однако важно указать на тот факт, что на территории Таврической губернии, как и в Российской империи в целом, младенческая смертность оставалась высокой вследствие различных факторов.

В самом же приюте, из-за возрастающего числа питомцев, количество детей на одну кормилицу достигало 3-х, при этом у женщины был и свой ребенок, которого она так же продолжала кормить. В результате питомцы недополучали молока. Также имелась и другая проблема, детерминированная увеличением количества детей. Скученность помещений в приюте вела к тому, что питомцы могли спать втроем на кровати, предназначавшейся для одного-двух детей, так как ребенок кормилицы всегда находился в привилегированном положении и занимал отдельную кровать.

Большая часть женщин прибегала к притомническому промыслу для улучшения финансового благосостояния семьи, ведь на ребенка выдавали белье, элементы одежды; помимо этого, выдавали на руки 7 руб. за грудного ребенка и по 6 руб. за остальных. Однако данные суммы имели тенденцию к уменьшению в связи с увеличением количества питомцев. Чаще всего детей брали деревенские кормилицы. Некоторые дети оставались с ними и после окончания школы. На самом Крымском полуострове тенденция к оставлению детей не прижилась в связи с малоземельем.

Подводя итоги, можно указать на то, что большая часть женщин шла работать кормилицами из-за финансовых проблем. Некоторые уходили в этот промысел, желая на время отлучиться из дома, избавившись от необходимости деревенских работ. Кормилицы вербовались из наиболее несостоятельного сословия — из крестьян, причем нанимались женщины исключительно из бедных семей. Крайняя хозяйственная необходимость — покупка лошади, уплата аренды, снаряжение рекрута — таковы, по большей части, причины, превращавшие кормилиц в «жертву семейного эгоизма»

Долголетний опыт Таврического земства продемонстрировал, что патронаж имеет множество отрицательных сторон и не может заменить ребенку мать.

Библиографический список

1. Яблоков Н. В. Призрение детей в воспитательных домах. Санкт-Петербург: Гос. тип., 1901. 71 с.
2. Ошанин М. А. О призрении покинутых детей. Ярославль: Типолитограф. Губ. Зем. управы, 1912. 283 с.
3. Воюцкий С. Ф. Жестокий обычай. Санкт-Петербург: Типография Я. Трей, 1897. 6 с.
4. Красникова Ю. Н. Кормилицы как особая социальная группа в Российской империи XIX — начала XX веков // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. 2015. Спецвыпуск. С. 134 — 138.
5. Эйленбург А. Реальная энциклопедия практической медицины: медико-хирургический словарь для практических врачей / под ред. прив.-доц. М. Б. Блюменау. Санкт-Петербург: Издание жур. «Практическая медицина» (В. С. Эттингер), 1911. 756 с.
6. Фурнье А. Кормилицы и сифилис: Из лекций проф. Fournier в Hospital St. Louis / пер. Н. Константинов. Санкт-Петербург: типо-лит. П. И. Шмидта, 1887. 15 с.
7. Труды V Съезда Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова, изданные Правлением V Съезда в С.-Петербурге. Санкт-Петербург: Тип. М-ва путей сообщения, 1894. Т. 2. [4], 780, 84 с.
8. Труды XI Губернского съезда земских врачей и представителей земств Таврической губернии. Т. 1. Журналы заседаний съезда и доклады комиссий [11 — 18 мая 1913 г.]. Симферополь, 1913. 80, 50 с.
9. Грумм-Гржимайло К. И. Руководство к воспитанию, образованию и сохранению здоровья детей. Санкт-Петербург: Тип. М-ва внутренних дел, 1843. 344 с.
10. Массе Н. О маскированной венерической болезни, с присовокуплением практических исследований венерической болезни новорожденных и грудных младенцев, изложения предохранительных мер против венерического заражения и краткого обзора лечения общей венерической болезни у взрослых и детей. Москва: тип. В. Готье, 1856. 227 с.
11. Герценштейн Г. М. О заражении кормилицами детей сифилисом и обратно. Санкт-Петербург: Губ. тип., ценз, 1891. 10 с.

МАСЛЕННИКОВА Валерия Андреевна, аспирант кафедры истории России.
SPIN-код: 4965-8400
AuthorID (РИНЦ): 895145
Адрес для переписки: ms.valeris@bk.ru

Для цитирования

Масленникова В. А. Дети «на стороне»: кормильческий промысел на территории Таврической губернии в конце XIX — начале XX века // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2021. Т. 6, № 3. С. 44 — 48. DOI: 10.25206/2542-0488-2021-6-3-44-48.

Статья поступила в редакцию 24.12.2020 г.

© В. А. Масленникова

CHILDREN «ON THE SIDE»: FEEDING INDUSTRY ON TERRITORY OF TAVRIDA PROVINCE IN LATE XIX—EARLY XX CENTURIES

Russian Empire in the second half of the XIX—early XX centuries gradually entered the era of modernization of political, economic and social institutions. The disintegration of the patriarchal family entailed a massive exodus of women to cities, which in turn turned out to be on the quantitative indicators of illegitimate births. Lack of funds for food, prompted mothers to leave the child to the mercy of fate. Statistical data is stating that the foundlings grew from year to year. By the end of the XIX century each issue of the periodical press, published in the territory of the Tauride province, contained several reports about foundlings. All children were sent to an orphanage. A wet nurse was assigned to the child, who was supposed to replace his mother. The direction of the research is to describe the patronage system in the Tauride province of the late XIX—early XX centuries.

Keywords: Tauride province, women, wet nurses, foundlings, orphanage.

References

1. Yablokov N. V. Prizreniye detey v vospitatel'nykh domakh [Charity of children in foster homes]. St. Peterburg, 1901. 71 p. (In Russ.)
2. Oshanin M. A. O prizrenii pokinutykh detey [On the charity of abandoned children]. Yaroslavl, 1912. 283 p. (In Russ.)
3. Voyutskiy S. F. Zhestokiy obyчай [Cruel custom]. St. Peterburg, 1897. 6 p. (In Russ.)
4. Krasnikova Yu. N. Kormilitsy kak osobaya sotsial'naya gruppa v Rossiyskoy imperii XIX – nachala XX vekov [Wet nurses as a special group in the Russian Empire XIX-XX centuries] // *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. Izvestiya Sankt-Peterburgskogo Gosudarstvennogo Agrarnogo Universiteta*. 2015. Special Issue. P. 134–138. (In Russ.)
5. Eulenburg A. Real'naya entsiklopediya prakticheskoy meditsiny: mediko-khirurgicheskii slovar' dlya prakticheskikh vrachey [The Real Encyclopedia of Practical Medicine: Medical and Surgical Dictionary for Practitioners] / Ed. by M. B. Blyumenau. Saint Peterburg, 1911. 756 p. (In Russ.)
6. Fournier A. Kormilicy i sifilis: Iz lekcij prof. Fournier v Hospital St. Louis [Nurses and syphilis: From the lectures of prof. Fournier in Hospital St. Louis] / Ed. N. Konstantinov. St. Peterburg, 1887. 15 p. (In Russ.)
7. Trudy V S"yezda Obshchestva russkikh vrachey v pamyat' N. I. Pirogova, izdannyye Pravleniyem V S"yezda v S.-Peterburge [Proceedings of the V Congress of the Society of Russian Physicians in memory of N. I. Pirogov, published by the Board of the V Congress in St. Petersburg]. St. Peterburg, 1894. Vol. 2. [4], 780, 84 p. (In Russ.)
8. Trudy XI Gubernskogo s"yezda zemskikh vrachey i predstaviteley zemstv Tavricheskoy gubernii. T. 1. Zhurnaly zasedaniy S"yezda i doklady komissiy [11–18 maya 1913 g.] [Proceedings of the XI Provincial Congress of Zemstvo Doctors and Representatives of Zemstvos of the Tauride Province. Vol. 1. Bulletins of the sessions of the Congress and reports of

the commissions [11–18 May 1913]]. Simferopol, 1913. 80, 50 p. (In Russ.)

9. Grumm-Grzhimaylo K. I. Rukovodstvo k vospitaniyu, obrazovaniyu i sokhraneniyu zdorov'ya detey [A guide to the upbringing, education and health of children]. St. Peterburg, 1843. 344 p. (In Russ.)

10. Masse N. O maskirovannoy venericheskoy bolezni, s prisovokupleniyem prakticheskikh issledovaniy venericheskoy bolezni novorozhdennykh i grudnykh mladentsev, izlozheniya predokhranitel'nykh mer protiv venericheskogo zarazheniya, i kratkogo obzora lecheniya obshchey venericheskoy bolezni u vzroslykh i detey [About masked venereal disease, with the addition of practical research on venereal disease in newborns and infants, outlining protective measures against venereal infection, and a brief overview of the treatment of general venereal disease in adults and children]. Moscow, 1856. 227 p. (In Russ.)

11. Gertsenshteyn G. M. O zarazhenii kormilitsami detey sifilisom i obratno [How nurses infect children with syphilis and children infect nurses]. St. Peterburg, 1891. 10 p. (In Russ.)

MASLENNIKOVA Valeriya Andreyevna, Graduate Student of History of Russia Department.

SPIN-code: 4965-8400

AuthorID (RSCI): 895145

Correspondence address: ms.valeris@bk.ru

For citations

Maslennikova V. A. Children «on the side»: feeding industry on territory of Taurida Province in late XIX—early XX centuries // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2021. Vol. 6, no. 3. P. 44–48. DOI: 10.25206/2542-0488-2021-6-3-44-48.

Received December 24, 2020.

© V. A. Maslennikova